

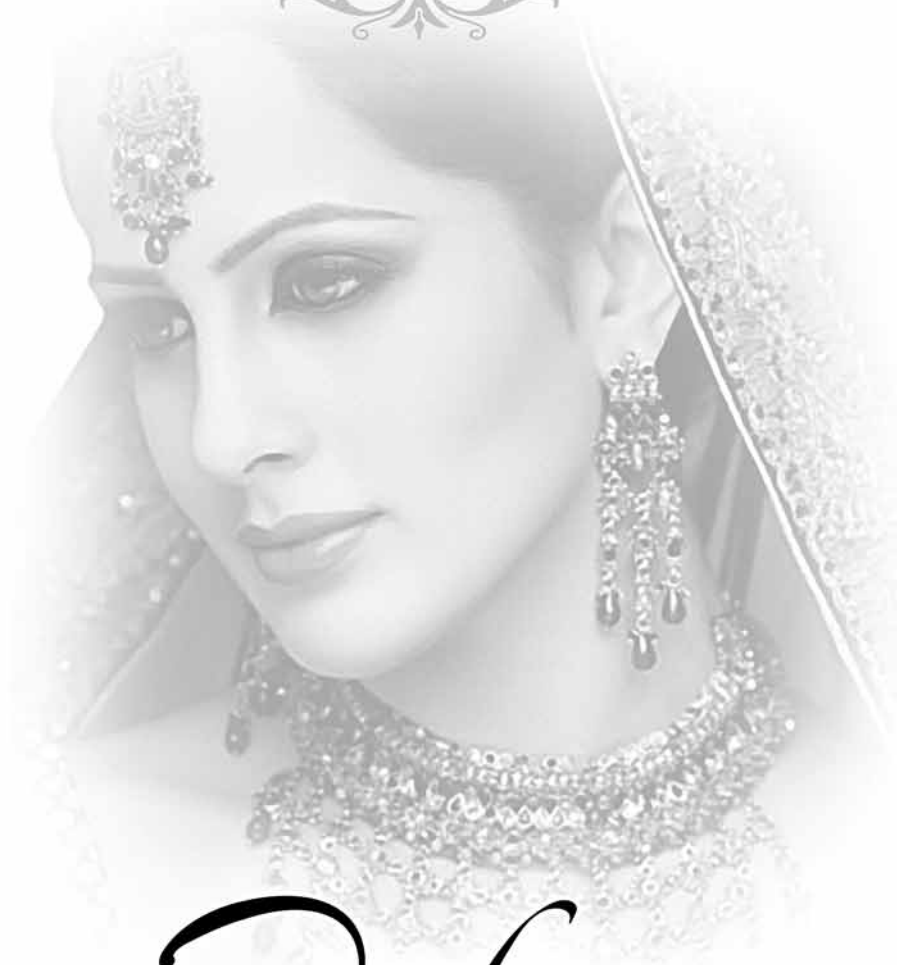

СЕРИЯ
**ОПАСНАЯ
КРАСОТА**

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2016

АНДЖЕЛА ХАНТ

Эсфирь

ЦАРСТВЕННАЯ КРАСАВИЦА

ББК 86.37
X19

Перевод с английского

Originally published in English under the title:
ESTHER
by Angela Elwell Hunt.

Published by Bethany House,
a division of Baker Publishing Group,
Grand Rapids, Michigan, 49516, USA.

Russian edition 2016 © Mission Visson
All rights reserved.

Хант, Анджела

X19 Эсфирь / Пер. с англ. — СПб.: Виссон, 2016. — 336 с. —
(Опасная красота).
ISBN 978-5-9907920-0-5 (*Виссон*)

Это первая книга Анджелы Хант из серии «Опасная красота». Во всех трех произведениях автор по-своему переосмысливает давние события, но при этом сохраняет канву библейского повествования и исторический фон. В первой книге речь идет об Эсфири, юной царице, которой суждено было сыграть важную роль в судьбе своего народа.

ББК 86.37

ISBN 978-0-7642-1695-4 (*Bethany House*)
ISBN 978-5-9907920-0-5 (*Виссон*)

© Angela Hunt Communications, Inc., 2015
© Издательство «Виссон», 2016

АНДЖЕЛА ХАНТ представляет серию
«ОПАСНАЯ КРАСОТА»

В древнееврейском тексте встречаются два слова, которые обычно используются при описании внешности человека. Одно из них, довольно мягкое, означает «привлекательный». А второе, употребляемое применительно к внешности женщины, выражает чувственную притягательность. Эта женщина настолько красива, что вызывает желание у мужчин, смотрящих на нее.

*Сью Пурман Ричардс и Ларри Ричардс,
авторы книги «Every Woman in the Bible»*

Красота не всегда дает преимущества женщине, ей обладающей. Иногда она ее предает, а случается, ставит в опасное положение, вплоть до смертельно опасного.

Эти романы — «Эсфирь» и последующие «Вирсавия» и «Далида» — рассказывают о трех чувственно притягательных женщинах.

ТОТ СВЕТ, ЧТО ПРИТАИЛСЯ
В ГЛАЗАХ У ЖЕНЩИНЫ,
МНЕ СЕРДЦЕ СОКРУШИЛ.

Томас Мор

Тадасса

Возможно, вы знаете меня, но откуда? Может быть, вам рассказали мою историю другие люди, и, наверное, большинство из них нарисовали красивую картину. Но, пока женщине не позволят говорить самой за себя, никто никогда не сумеет понять события целой жизни... и не сумеет заглянуть в тайные уголки женского сердца.

В детстве я ничем не отличалась от других девочек, и все же была другой. Моя семья не была ни бедней, ни богаче семей других детей в Сузах. Родственники, которые воспитывали меня, любили меня не больше и не меньше, чем родители моих друзей любили их. Посмотрев в бронзовый отполированный круг, который служил Мириам зеркалом, я обнаружила, что по красоте я тоже не уступаю другим девочкам нашей еврейской общины, но и не превосхожу их.

Однако пока мои подружки нянчили кукол, а взрослые вздыхали по Иерусалиму, я мечтала стать царицей.

Не *царствующей* особой, естественно. Мое честолюбие не простиралось так далеко, как у некоторых жестоких мужчин, что я встречала в своей жизни позднее, у тех в жилах текла ледяная кровь. Я не знала, что такое власть,

и поэтому не жаждала ее; меня прилично кормили и одевали, поэтому богатству я тоже не завидовала.

Я хотела быть красивой. Еще девочкой я заметила, что некоторые вещи наделены способностью придавать законченность картине — например, ваза на подоконнике, прозрачные облачка, проплывающие мимо полной луны на черном бархатном небосклоне, бутон лотоса... А пару раз я замечала, как Мардохей что-то шептал на ухо жене, и ее глаза начинали искриться, улыбка чуть трогала губы, а от избытка радости лицо становилось таким привлекательным, что я теряла дар речи.

Я любила Мириам, мне нравилось ее преходящее очарование, но я хотела обладать красотой, которая не исчезала бы от раздражения или болезни, которую не сокрушали бы годы. А поскольку всем было известно, что только самые красивые женщины в мире могут стать женами царей, я желала себе красоты и безупречности, достойных царицы.

Если бы черты моего лица были более привлекательными, я, возможно, интересовалась бы внешностью намного меньше. Еще ребенком я смотрелась в бронзовый круг и оценивала свои глаза — слишком большие для моего лица — и нос, который принимал форму стрелы, когда я улыбалась. Мои зубы были великоваты, а волосы слишком жестки, ноги чересчур длинны для моего тела. И каждый раз, замечая все свои несовершенства, я поднимала взор к небу и просила Бога Израиля дать мне красоты, пусть даже этот дар и не вечен.

А после того как я на самом деле увидела царицу, мои молитвы стали еще неистовой.

Мы с Мириам отправились на базар у Царских ворот (хотя я бы с большей радостью не пошла). Я считала себя достаточно взрослой и, по моему мнению, могла оставаться дома одна, ну кто на меня покусится? Дом Мардохея и его жены Мириам располагался в середине улицы, где проживали одни евреи: купцы, ювелиры, ростовщики и писари.

Большинство наших соседей держали лавки прямо на переднем дворе своих домов, так что, если кто-то вдруг меня побеспокоит, достаточно только крикнуть и над стеной нашего дворика тотчас появится полдюжины любопытствующих физиономий друзей.

Я угрюмо плелась по базару, но веселое разноцветье этого места быстро подняло мой дух. Лавки купцов, крестьян и ремесленников тянулись по обе стороны длинной улицы, по обочинам теснились сотни людей. Девочка может найти на базаре все что угодно, если у нее в кармане бренчит горсть серебряных монет и есть время осмотреться.

Правда, мои карманы были пусты, но времени было в избытке. Пока Мириам торговалась с продавцом фруктов, я натянула головной платок пониже на лицо (от солнца) и двинулась с толпой, разглядывая товары в каждой лавке.

Я посмотрела на другую сторону людной улицы, где трудились служащие царя. От подножия крепости и до самой парадной лестницы, ведущей во дворец, раскинулись многочисленные склады. В этих каменных хранилищах десятки переписчиков и счетоводов принимали дань от жителей Суз и раздавали товары от царских щедрот. Мардохей работал на царя в одном из этих помещений шесть дней в неделю из семи. Он знал, что мы с Мириам ходим на базар в полдень, поэтому я очень надеялась, что он выйдет нас поприветствовать.

Я улыбнулась, когда он появился в дверях и пошел к рынку. Мардохей поднял голову, встретился со мной взглядом и помахал мне. Он сделал шаг в мою сторону, но не успел сделать следующий — какой-то мужчина схватил его за рукав и принялся изливать на него недовольство по поводу какого-то дела.

Не желая мешать им, я вернулась к Мириам и принялась в отчаянии искать хоть что-нибудь более интересное, чем сморщенные финики. В тот день базар был особенно оживленным: шум, запахи, странные зрелища. Голоса

людей смешивались со звуками, издаваемыми животными: ослиный рев, цоканье копыт лошади, трескотня мартышки в клетке, вой тощих собак, рыскавших под ногами в поисках еды, упавшей на булыжную мостовую. Солдаты многочисленной царской армии смеялись, протискиваясь через толпу, поглядывая с ухмылкой на каждую женщину, которой хватало смелости посмотреть на них. Торговцы зорко следили за своими товарами, а персиянки в ярких туниках держали на руках ноющих детей и пытались торговаться с продавцами.

Из всего, что можно увидеть на рынке, меня больше всего восхищали эти женщины и их детишки. Я любила детей и надеялась, что у меня их будет дюжина. Уроженки Суз (эти женщины были эламитками, пока Кир Великий не сделал из них персиянок) вряд ли жили по соседству с нами. Они выглядели более свободными, счастливыми и носили богатые одежды, которые выдавали их пристрастие к ярким цветам, роскошным тканям и блестящим украшениям.

Еврейские женщины, которых я знала, старались быть красивыми ради своих мужей, но их вкусы были довольно сдержанными, словно они боялись, что решат, будто они чересчур заняты собой. Иногда, помня о нашей трагической истории, я думала, а хотят ли они быть счастливыми? Они часто говорили об изгнании и о нашем прекрасном разрушенном Иерусалиме. Они благодарили Хашема* за то, что горстка евреев заново отстроила храм, но из их разговоров я поняла, что они считали это творение Зоровавеля жалкой заменой шедевра Соломона.

* Хашем — буквально «Имя» (с определенным артиклем или с прописной буквы). Строго говоря, это не имя, а эвфемизм, «обозначение имени», используемое вместо имени-эпитета «Адонай» и иногда вместо «Элохим» (которые, при меньшей табуированности, также традиционно избегают «произносить всуе») вне молитвы или религиозной службы. Адонай в переводе означает «мой Господь» и используется иудеями вместо произнесения YHWH (тетраграмматон) в молитвах и во время публичного чтения Торы и книг пророков. — *Примеч. ред.*

Поджидая, когда освободится Мардохей, я принялась рассматривать мужчину, который торговался с продавцом ковров. Он говорил с неизвестным мне акцентом, но Мардохей обязательно должен знать его. Он встречается с путешественниками каждый день, потому что Сузы, как и сама Персия, были многонациональным городом. Мидяне и персы поднимали мечи, только чтобы принудить правителя противника сдаться. В отличие от вавилонян, которые разрушили наш священный город и захватили жителей в плен, требуя, чтобы мы молились их истуканам, Кир Великий и его последователи, Камбис и Дарий, не понуждали другие народы, живущие на территории империи, во всем следовать персам. Все это было замыслом Бога, нередко напоминал мне Мардохей, потому что Сам Адонай подвиг Кира на освобождение нас из вавилонского плена и дал возможность некоторым из наших людей вернуться в Иерусалим.

Но не у всех было достаточно средств и желания возвращаться на опустошенную землю. Тысячи евреев жили по всей территории империи, как, например, наша община в Сузах. Мардохей считал, что Адонай хочет, чтобы мы остались здесь, но объяснить, почему он так думает, не мог.

Что же касается меня, я не могу представить себе жизнь в другом месте. Земли здесь красивые, климат приятный, а базар просто восхитительный. На рынке я обожала гладить ковры и ткани самых ярких цветов. А еще я любила свободу, данную моему народу, и особенно ценила, что мы живем в тени царского дворца.

Я стояла рядом с Мириам, словно послушная дочь, и делала вид, что мне интересно смотреть, как она торгуется с продавцом. Но мои глаза при этом осматривали все вокруг; как только я заметила роскошные занавески в приближающемся паланкине, любопытство заставило меня забыть о манерах.

Я не видела, кто сидит внутри, ветер шевелил золотые и серебряные ленточки на вертикальных стойках. Загадочного путешественника сопровождали двенадцать

стражников в форме, четверо шагали впереди, двое сзади, у каждого из них было копьё, а сбоку, на ремне, висел меч. Пятый мужчина, — одетый в белые одежды с капюшоном, а не в военную форму, — шагал рядом с паланкином и часто наклонял голову к занавеске, словно слушал, что говорит кто-то внутри.

Будучи городской жительницей, я нередко видела богатые паланкины и коляски. Но мне еще не доводилось встречать что-то даже отдаленно похожее на эту свиту, мое любопытство переросло в изумление: что же за женщина или мужчина передвигался с такой роскошью и с такой большой охраной? Только кто-то богатый и влиятельный мог позволить себе такое. Сидящий внутри может даже оказаться членом одной из шести самых богатых семей Персии.

Я потянула Мириам за рукав в надежде, что она знает разгадку, но она была слишком занята разговором с торговцем финиками. А когда экипаж приблизился, я и вовсе забыла все правила хорошего тона, которые Мириам вкладывала мне в голову.

Если видишь высокопоставленное лицо, нужно склонить голову и уйти с дороги.

А я встала на цыпочки, чтобы лучше видеть.

Если встречаешь человека старше тебя или немного выше по положению, поцелуй его в щеку.

Я проскользнула на свободное пространство, которое образовалось перед приближающимся экипажем.

Если же встречаешь человека намного выше тебя по положению, нужно упасть ниц.

Я не стала склонять голову, как все остальные на улице, а стояла, выпрямив спину, и смотрела, меня восхищала возможность соприкоснуться со знатью.

Мириам обернулась и увидела, что я смотрю во все глаза.

— Гадасса!

Ее осуждающий шепот привел меня в чувства. Я опустилась на колени на булыжную мостовую, а когда экипаж замедлил ход и остановился возле меня, с трудом сглот-

нула. Вокруг повисла зловещая тишина, даже торговцы замолчали. Даже цыплята на противоположной стороне перестали пицать.

Я очень медленно подняла голову, чтобы посмотреть, что же я наделала.

Стройный безбородый мужчина, шедший рядом с паланкином, поймал мой взгляд, но перевел глаза на Мардохея, спешащего к нам.

— Доброго дня, мой друг, — обратился к нему высоким пронзительным голосом человек в белом. — Надеюсь, боги благосклонны к вам сегодня.

Мардохей кивнул в ответ на приветствие и встал рядом со мной.

— Доброго дня, Харбона, — сказал он, поклонившись. Выпрямившись, он улыбнулся ему: — Вас назначили на новую должность?

Я в изумлении смотрела на них, мысли путались. Мардохей знает этого человека? Возможно, процессия остановилась не затем, чтобы наказать меня за плохие манеры, а чтобы поприветствовать Мардохея.

Харбона рассмеялся:

— У царя довольно евнухов, чтобы служить ему, и он настоял, чтобы я сопровождал такие выезды. Он очень тщательно охраняет свои сокровища.

Этот человек знает царя? И что значит евнух?

Будучи наивным ребенком, я сначала посмотрела на Мардохея, потом перевела взгляд на высокого мужчину в безупречно чистой тунике. Откуда его знает Мардохей? Его наряд был хорошо скроен и сшит из отличного полотна, значит, он должен быть богатым. Тогда почему он не сидит в паланкине?

У меня не было времени на ответы на собственные вопросы. В этот момент зашуршала занавеска, и в тишине раздался женский голос:

— Доброе утро. — Рука в перстнях и браслетах отодвинула переливчатую занавеску, и я увидела иссиня-черные

волосы, большие глаза, высокие скулы и идеально очерченные губы. Объектом заботливого внимания царя была невероятно красивая женщина, я еще не видела такой красоты. Она была прекраснее, чем я представляла себе Сарру Авраама или Рахиль Иакова...

При звуке ее голоса и Мириам, и Мардохей опустились на колени на мостовую, но я никак не могла понять, почему мы должны стоять на коленях посреди людного базара. Эта женщина, наверное, наложница, а все знают, что у царя их сотни.

Я подняла голову и заметила, что прелестная пассажирка смотрит на Мириам, потом она повернулась к Мардохею:

— Я не могла не заметить вашу дочь, она такая хорошенькая.

Тот вскинул голову и вежливо улыбнулся:

— Вы очень добры, что заметили мою семью. Девочка не моя дочь, хотя мы с женой растили ее, как собственного ребенка. Ее отец — мой родственник по отцу, но он умер за несколько лет до того, как ваш муж взошел на трон.

Я остолбенела. Неужели Мардохей разговаривает с самой *царицей*? А может ли царица говорить со *мной*? Конечно же, нет!

Я опустила голову и пожелала стать невидимкой: ведь я пялилась на царский экипаж, восхищалась, словно невоспитанная рабыня, женой самого могущественного человека во всем мире! Я должна есть землю, должна лежать ниц всю оставшуюся жизнь, должна подняться по дворцовой лестнице на коленях, пока они не начнут кровоточить...

Но я не успела объявить о своей готовности понести достойное наказание, как женщина снова заговорила:

— Она станет хорошей женой кому-нибудь. Я сейчас подбираю невесту своему первенцу, наследнику. Ваша дочь не может быть женой царя, но Дарий может пожелать ее в наложницы.

Вот уж чудо из чудес, неужели она предлагает мне возможность жить во дворце? Но все мои надежды рухнули, когда Мардохей ответил царице твердым голосом:

— Мне действительно очень жаль, моя царица, но моя юная воспитанница должна вскоре быть помолвлена с отличным человеком, нашим соседом. Уверен, вы понимаете, что такие договоренности нужно уважать.

— Действительно нужно?

Я не смела поднять голову, но не могла не услышать, как Мириам вздохнула. С того места, где я стояла на коленях, мне было видно, как Мардохей крепко сжал в кулак руку за спиной.

Охваченная надеждой, я быстро глянула в сторону паланкина и увидела огорчение на прелестном личике царицы, она снова улыбнулась:

— Мужчина, который получит ее в жены, обретет милость богов — это я вам говорю.

Она опустила занавеску, заканчивая разговор. Безбородый мужчина, видимо ее слуга, кивнул Мардохею и скомандовал носильщикам, они расправили плечи и двинулись дальше. Но я встретила глазами с высоким мужчиной, когда он посмотрел в нашу сторону, кончики его губ дрогнули... словно он сдерживал смех.

Видимо, его повеселило предположение, что я могла бы подойти принцу.

Харбона

Естественно, мне захотелось посмеяться над воспитанницей Мардохея, когда мы впервые встретились. Хотя девочка была хорошенькой, вид царицы настолько поразил ее воображение, что она лишилась и женской утонченности, и интуиции. Более умудренную женщину не привело бы в трепет необычное лицо Астинь, как и ее сверкающие украшения. Она бы обязательно заметила в этих ярких глазах искорку гордыни и услышала бы алчность в тоне голоса. Гадасса, воспитанница Мардохея, еще не знала, как знал я, что за женской красотой и яркими драгоценностями прячется коварное и завистливое сердце.

Царица была права, говоря о привлекательности девочки, а меня поразила неприкрытая тоска на ее еще совсем юном лице. Мне редко доводилось видеть такую печаль в детских глазах, а тем более не встречал я такого взгляда у иудейской девочки.

Как подсказывал мне опыт, большинство иудеев держались особняком и вели свои дела в городе, в котором так и не стали своими. Они молились, общались и устраивали браки только внутри своей общины.

Я усмехнулся, увертываясь от сбежавшего от хозяина цыпленка, который пронесся перед паланкином царицы.

Хорошенькая воспитанница Мардохея, возможно, послушна на словах и в делах, но я готов поспорить на горсть серебра, что в ее сердце покоя нет. Я бы с радостью поговорил с девочкой, но в данных обстоятельствах я мог только улыбаться и гадать, что же кроется за ее мечтательной улыбкой.

Она жаждала романтических отношений? Возраст уже позволял ей стать невестой, тогда, возможно, юное сердце томилось по любви. Или она стремилась к богатству? Мардохей не был богат, но и бедняком его не назовешь. Он заслужил ответственную должность, а это означало, что он получал неплохое жалование и свою часть уважения. Наверное, он жил в удобном доме в нескольких шагах от дворца, а чем ближе к царскому дворцу, тем роскошней жилища. Значит, в своей еще короткой жизни девочка не знала, что такое бедность.

Я остановился, какой-то лопочущий малыш вырвался из рук матери и побежал в мою сторону, я понимающе кивнул в ответ на ее извинения, когда она подхватила баловника на руки. Взглянув краешком глаза, я убедился, что царица не заметила этого незначительного происшествия, а значит, она погружена в размышления. Счастливая для всех минута.

Я пошел дальше твердым шагом, и мои мысли вернулись к Мардохею и его маленькой хорошенькой воспитаннице. Возможно, девочку слишком опекают. Может быть, она слышала рассказы о дальних странах и экзотических царствах, и встреча с царицей оживила забытые мечты. Не исключено, что она в первый раз увидела царственную особу, а если это так, с радостью подумал я, значит, и я что-то сделал, чтобы порадовать ее. Немногим девочкам ее положения выпадает шанс увидеть царицу, а еще меньше из них достаиваются внимания жены царя.

Астинь была права в одном — юная воспитанница Мардохея обладает редкой привлекательностью, несмотря на еще детскую округлость лица. Уже скоро она раскроется,

словно ослепительный цветок, возможно, ей даже найдется место во дворце.

Я был уверен, что девочка окажется особенной. А я, евнух с отрочества, знаю о женщинах слишком много.

Вероятно, я бы никогда больше не увидел жену Мардохея и его воспитанницу, но в третий год своего царствования мой господин решил устроить пир, какого свет еще не видывал. Я улыбнулся, когда он сообщал мне эту новость, полагая, что подготовка праздника ляжет на мои плечи.

Позже царский писарь прочел мне официальное воззвание:

Говорит царь Артаксеркс: Ахура-Мазда — величайший из богов, он создал меня, он сделал меня царем: он даровал мне это огромное царство, обладающее хорошими конями и хорошими людьми.

По милости Ахура-Мазды я уничтожил царство Вавилон и увез оттуда золотую статую Мардука, чьи руки должен был пожимать царь Вавилона в первый день каждого года. Милостью Ахура-Мазды я убил жреца, который пытался меня остановить. Милостью Ахура-Мазды Вавилона больше нет, а Ахура-Мазда сделал меня царем мира. Ибо то было желание Ахура-Мазды: он выбрал меня своим человеком на всей земле.

— Переходите к главному, — поторопил я писаря. — Мне незачем выслушивать всю ритуальную часть.

Писарь пожал плечами и перешел к следующему абзацу на пергаменте:

Говорит царь Артаксеркс: в Сузах, построенных моим отцом, заказан богатый пир. Прибудут правители двадцати сатрапий, все сто двадцать семь правителей провинций примут участие в больших празднованиях, а также при-

глашены те, кто сражался рядом со мной в Вавилоне. Все знатные семьи Персии станут гостями Суз и насладутся великолепным пиром и всем блеском, дарованным мне Ахура-Маздой.

Так сказал царь Артаксеркс.

Писарь опустил пергамент:

— Это все. Царь устраивает пир.

— Для всех знатных, правителей и воинов? — переспросил я. — Со всей империи?

Писарь кивнул, а у меня на шее задергался нерв.

Значит, царь желает устроить пир — замечательно! Он, конечно, понимает, что кому-то придется кормить и развлекать гостей, но ему и в голову не приходит, что гостям также нужно где-то жить, мыться и отдыхать все время, что они будут находиться в Сузах. Они придут с конями и шатрами; некоторые привезут свои семьи. Сузам, и так густонаселенным, придется найти место для всех.

Я сдержал стон и сразу взялся за работу. Ни разу за всю историю цари не устраивали столь щедрых празднеств, а мне, за мою недолгую жизнь, не приходилось братья за что-либо столь грандиозное. Я поймал себя на мысли, что царь едва ли еще раз пожелает проявить такую щедрость.

Царские гости прибывали со всех концов империи, все они жаждали получить что-то от щедрот царя. Даже из таких дальних провинций, как Индия и Эфиопия, приехали правители, а с ними вельможи, солдаты и командиры из всех двадцати сатрапий. А когда каждое здание в Сузах буквально трещало по швам, я велел слугам установить роскошные белые шатры на равнине, чтобы разместить опаздывающих гостей.

Все мы, служители дворца, стиснули зубы, затагнули пояса и изобразили на лицах вежливые улыбки.

В течение ста восьмидесяти дней гости царя опустошали город Сузы, вытаптывали урожай за городскими стенами,

рыскали по базару, при этом выказывая чрезмерное внимание к женам и дочерям жителей Суз. Эти мужчины, чьи обычаи были столь же чужды здесь, как и их лица, буянили по ночам и отсыпались потом до полудня. А в домах они швыряли куриные кости в окно и позволяли коням осквернять садики навозными кучами. Они купали своих собак в чудесных фонтанах и тратили столько воды, что несколько городских колодцев обмелели.

Через две недели гости страшно мне надоели, но царь был бодр и свеж. Гости неустанно хвалили его за подавление жалкой кучки мятежников в Вавилоне и Египте, и он наслаждался этим.

Для тех из нас, кого Ахура-Мазда осыпал милостями не столь щедро, месяцы царского пиршества скорее были изнурительным трудом, чем праздником.

Как царский управляющий я отвечал за согласование всех событий пиршества с царем. Каждое утро мы, обслуживающие царскую семью, вставали рано и надевали белые одежды, затем принимались за приготовление обеда. Садовники жгли фимиам для ароматизации воздуха; повара забивали животных, солили и запекали, отчаянно стараясь успевать за аппетитами гостей. Рабыни подметали и мыли полы, полировали мраморные колонны и плитки в коридорах, а каменщики проверяли каждый дюйм стен из глазурованного кирпича — вдруг кто-то из полуночников умудрился отколоть кусочек тончайшего узора.

Я начал ненавидеть эти празднества, потому что они отвлекали меня от работы, которая нравится мне больше всего, — заниматься личными нуждами царя. Хотя у моего царя было множество евнухов к его услугам, я всегда стремился быть самым близким к нему и лучше других подстраиваться под его переменчивое настроение. Но абсолютно невозможно служить моему царю и надзирать за самым грандиозным пиршеством на земле.

Когда мой господин ложился вздремнуть или уезжал покататься, я оставался во дворце, чтобы убедиться,

что все возможные осложнения были просчитаны и предупреждены. Если заболел раб, я выполнял работу за него: молот зерно, помогал повару поливать жиром жарящуюся свинину, заменял увядшие цветы в букетах, расправлял флаги, трепетавшие на ветру в саду, или искал замену музыкантам. Единственное, в чем я не участвовал никогда, — это убой животных: я не переношу вида крови.

Работа была утомительной, скучной и неблагодарной, но я понимал желание моего господина угодить гостям. Если подданные не будут довольны царем, он очень скоро перестанет им быть. А потом, каждый вечер, я находил тихий уголок во дворце, закрывал глаза и старался представить себе, что должен увидеть, услышать и обонять гость, после того как он оставит коней в конюшне и поднимется по лестнице, ведущей в великолепную крепость Сузы.

С долины возле реки царский холм производил необыкновенное впечатление. Он поднимался над плоской равниной, нависая над городом — одной из нескольких столиц Персидской империи. Четыре огромных лестничных пролета вели в крепость, но гости, ехавшие верхом, попадали в нее с другой стороны, там они пересекали горбатый мостик, сразу за которым начиналась лестница, идущая вдоль сада.

Какой бы вход гость ни выбрал, он обязательно пройдет вдоль покрытой глазурью стены, украшенной рельефами, изображавшими торжественные процессии, вручение даров и сцены подготовки к церемониям. Все это должно было напоминать посетителю, что он вот-вот соприкоснется с блеском царского величия.

Как только гость попадал на вершину холма царской крепости, он оказывался в огромном зале со скамьями. И здесь, в окружении стен, облицованных мерцающей плиткой, он будет дожидаться, пока его позовут или пока придет слуга и проводит его в сам дворец, в царские покои. Обычно гостя провожают в *анадану* — великолепный зал

с колоннами, предназначенный для приема процессий и даров. Этот зал для аудиенций, построенный на высоком плато над речной долиной, украшали величественные колонны, каждая была выше, чем десять человек, вставших друг другу на плечи. В ападане могли одновременно находиться десять тысяч гостей, однако лишь немногим из них удалось бы хоть мельком увидеть царя.

Если гость был известным человеком, уважаемым или сановитым, — военачальником царской армии, например, — его провожали во дворец Артаксеркса, личную резиденцию царя. Он проходил мимо нескольких дюжин хорошо вооруженных стражников, которых набирали из элитных частей, известных как «бессмертные», и встречался с царем либо в приемной, либо в его личных апартаментах.

Иные вельможи хотели посетить сокровищницу, где бесценные предметы, поднесенные царю в качестве подарков, заносились в каталог и затем хранились. Дюжины счетоводов и писарей работали в сокровищнице, регистрировали выплаты и раздачу подарков тем, кто заслужил благосклонность царя. Часть ценностей, большинство из которых были получены как дань или военные трофеи, оставалась в сокровищнице вечным напоминанием царю о его завоеваниях.

И только очень глупый мог приблизиться к дворцу, где находился царский гарем. Его охраняли и обслуживали евнухи, а в апартаментах жили женщины царя, его царица и наложницы. Эти апартаменты отличались друг от друга размерами и роскошью, соответствующими положению женщины.

Во время пиршества рабы провожали гостей сразу в ападану, которая располагалась в северной части крепости, и через нее можно было пройти в другие помещения, изысканно украшенные. Посетители начинали прибывать в полдень, они гуляли в саду, пока слуги не приглашали их занять ложа, расставленные повсюду, в садах и среди фонтанов. Гости ели, хвалились своими подвигами в Египте

и Вавилоне, и с каждым разом описываемые ими стычки выглядели все более кровавыми, а враги все более грозными. Солдаты, военачальники и правители — все участвовали в этом бесконечном состязании: кто самый отважный и лихой. Но в присутствии царя этого не было, потому что тогда каждый восхвалял военный гений властелина, его могущество и талант, возвышая, таким образом, Артаксеркса до величия священного Ахура-Мазды.

Но мой господин не был богом, и я подозревал, что он сам часто сомневается в собственном соответствии положению владыки. Во время пиршества он постоянно вспоминал своего отца, великого Дария, словно хотел оправдать свой титул, полученный по наследству.

— По милости Ахура-Мазды, — говорил он каждый вечер, когда празднество подходило к концу, — царь Дарий, мой отец, сделал много добрых дел. И по милости Ахура-Мазды я продолжу его труды и построю еще больше. Да защитят Ахура-Мазда и другие боги меня и мое царство.

Я, один из немногих посвященных, знал, что пока гости веселятся и рассказывают свои истории, царь проводит тайные совещания с военачальниками в своих личных покоях. Желая отомстить за единственное поражение своего отца, царь планировал провести военную кампанию против западного народа. Его победа в Вавилоне была не более чем подавлением мятежников, и он это знал. А он хотел получить новые земли и поэтому обратил свой взор на Грецию.

Подавляющее большинство военных на пиршестве понятия не имели, что их откармливают для бойни. Как только солнце склонялось к западному горизонту, появлялись военачальники, участвовавшие в совещаниях, и тогда слуги пронесли подносы с едой среди пирующих, каждый мог взять все, что пожелает. Во время пира по залу перемещались слуги с *ритонами*, сосудами для питья в форме крылатых львов, многие из них были из чистого золота. В этих сосудах были лучшие вина, но слуги

начинали разливать вино, только когда царь подавал знак. Никто не смел пить раньше царя. И хотя некоторые ворчали, недовольные таким ограничением, я ценил выдержку моего господина. Ведь эти люди — военные, значит, должны соблюдать дисциплину.

Пока гости ели до отвала, слуги зажигали масляные лампы на деревьях, а над садом сгущался вечер. Музыканты играли на лютнях и лирах, а царские наложницы ходили между гостями, излучая женскую красоту и очарование, обвораживая мужчин. Но при этом ни один из присутствующих не смел прикоснуться к женщинам царя.

Через определенный промежуток времени вокруг царя мягко опускался занавес, воздвигая стену между моим господином и его гостями. Тысяча «бессмертных», охранявших царя, строились, чтобы сопроводить его в спальню.

Наши гости понимали это как знак расходиться.

Мои товарищи-рабы и я стояли, сцепив руки, пока гости собирали остатки угощения и направлялись к лестнице, некоторым приходилось поддерживать друг друга, некоторых из них тошнило, и съеденное не шло им на пользу. Хотя царь не одобрял пьянство на пирах, в его отсутствие гости не проявляли сдержанности. Я видел, как один уже пьяный вояка сделал огромный глоток из бутылки, спрятанной у него под туникой, и удивился, как такая армия смогла подавить мятеж.

Впрочем, в бою они не были пьяны. Я знал, что не должен осуждать празднества, ведь это награда воинам за отвагу и победу.

Но я все-таки осуждал.

Ровно через шесть месяцев празднований и пьянства солдаты, военачальники и правители собрали своих слуг и погрузили полученные сокровища в повозки и колесницы, чтобы отправиться назад в свои далекие дома. Я-то

знал, что они никогда не забудут эти празднования, зато сам я очень рассчитывал их забыть.

Но тут царь решил устроить *еще один* пир.

Меня не было с моим господином, когда он принимал это решение, поэтому новость дошла до меня через Мемухана, старейшего из семи приближенных царя, которые консультировали его по вопросам закона и права.

— Жители Суз сильно пострадали от гостей царя, — пояснил Мемухан довольно резким тоном, как положено говорить с рабами. — Поэтому, чтобы умиротворить горожан, царь даст еще один пир лучше предыдущего.

Мои нервы натянулись, как струна.

— Надеюсь, на этот раз не на шесть месяцев.

— На семь дней, — ответил Мемухан. — На следующей неделе пиршества возобновятся, но на этот раз без ограничений в вине. В качестве особого вознаграждения за причиненные людям неудобства, слуги не должны отказывать никому, кто бы ни попросил еще вина, но и принуждать пить тоже нельзя. Кроме того, приглашаются все жители Суз, включая женщин, которых будет развлекать царица в своих комнатах. Жителям города пришлось немало пострадать из-за царской обходительности, теперь их ждет награда за их гостеприимство, пусть и не совсем добровольное.

Зная, что нам придется работать или отведать плетей, мы, рабы, принялись за дело снова. Мы заменяли поблекшие драпировки, полировали золотые и серебряные кубки, чистили серебряные ложа и раскладывали шелковые подушки.

— Для всех жителей Суз, — заметил один из рабов, волоча кипу испачканных подушек, — кроме тех, кто служит во дворце. А когда царь устроит пир в нашу честь?

Я взял его за рукав и строго посмотрел ему в глаза:

— У тебя и так каждый день пир в царском дворце, так что попридержи язык, пока его тебе не отрезали. Твой долг подчиняться и помнить, что ты можешь оказаться на плантациях.

— Нашел чем пугать, — заворчал раб, подставляя колено под свою тяжелую ношу. — Свежий воздух, свобода ходить, куда хочешь, и возможность привести в свою хижину женщину — то-то плохая жизнь. Хотя что может знать об этом евнух...

Я отпрянул, слух резанула насмешка в его голосе. Я мог бы осадить его, но сказанные им слова пробудили во мне воспоминания, которые я постарался надежно спрятать в глубоких тайниках души и поклялся себе никогда не выпускать на свободу.

Я знал, что он имел в виду, потому что когда-то я был свободным. Но я также знал, что такое голод и нищета. И евнухом я был не всегда.

